

«Пасхальный мир» Николая II, когда звонил колокол по Витте*

Таирова Нэлли Михайловна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)

Доцент кафедры государственного и муниципального управления

Кандидат исторических наук, доцент

mmandrik@mail.ru

РЕФЕРАТ

Находясь в Крыму на отдыхе, Николай II и императрица Александра Федоровна неожиданно для себя столкнулись с множеством проблем: болезнь царя и борьба за его жизнь, проявление власти и стойкости со стороны императрицы, решение вопроса о престолонаследии, преданность и предательство министров. В совершенно другом ракурсе ялтинский инцидент рассматривался С. Ю. Витте: под смертельной болезнью царя подразумевался обычный дифтерит, а не брюшной тиф, в вопросе о престолонаследии отстаивал кандидатуру по мужской линии — вел. кн. Михаила Александровича. Витте предложил на совещании министров решать эту проблему на основе законодательства, а не по желанию императрицы. С этого момента положение самого успешного министра в правительстве Николая II пошатнулось. Вследствие болезни императора привычная амплитуда отношений начала колебаться — от разочарования к недоверию и тайному желанию отправить Витте в отставку.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Крым, Ливадийский дворец, письма Витте, болезнь Николая II, «проимператорские» и «виттевские» совещания, династический кризис, барон Фредерикс, Акт о престолонаследии 1797 г., общественное мнение

Tairova N. M.

«The Easter World» of Nicholas II during the Bell for Witte Tolded

Tairova Nelly Mikhailovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)

Associate Professor of the Chair of State and Municipal Management

PhD in History, Associate Professor

mmandrik@mail.ru

ABSTRACT

Being in the Crimea on vacation Nicholas II and Empress Aleksandra Fedorovna unexpectedly for themselves have faced a set of problems: a disease of the tsar and fight for his life, manifestation of the power and firmness from the Empress, the solution of a question of a succession to the throne, devotion and treachery of ministers. In absolutely other foreshortening, the Yalta incident was considered by S.Yu. Witte: the fatal disease of the tsar was meant as a usual diphtheria, but not a typhoid, in a question of a succession to the throne defended the candidate for the male line — grand prince Mikhail Aleksandrovich. Witte has suggested solving at a meeting of ministers this problem based on the legislation, but not at the request of the Empress. From this point position of the most successful minister in the Government Nicholas II has reeled. A consequence of a disease of the Emperor the habitual amplitude of the relations has begun to fluctuate — from disappointment to mistrust and secret desire to dismiss Witte.

KEYWORDS

Crimea, Livadia palace, Witte's letters, Nicholas II disease, "pro-imperial" and "witte" meetings, dynastic crisis, baron Frederiks, Act of a succession to the throne of 1797, public opinion

* Продолжение. Начало см.: Управленческое консультирование. 2016. № 9. С. 159–171.

Из Дании в конце августа 1900 г. С. Ю. Витте проследовал в Париж, на Всемирную промышленную выставку. После возвращения в Петербург, он отправился в Крым и 20 сентября прибыл в Ялту, где в Ливадийском дворце на отдыхе расположились Николай II и его семья. В окрестностях Ялты проживала часть политической и придворной элиты, которая вслед за Николаем прибывала в эти края то ли работать, то ли отдыхать. Так было заведено — все министры сопровождали государя в Крым и приезжали к нему с докладами на прием в его летнюю резиденцию.

Вскоре после приезда в Ялту С. Ю. Витте в письме к министру внутренних дел Д. С. Сипягину от 4 октября 1900 г. рисует некоторые бытовые этюды из жизни обитателей Ливадии. Разумеется, он не напрямую, а косвенно отмечает, что сначала императрица перестала показываться на людях, прекратился общий стол, все гадали, «обыденная ли это месячная история, или что-либо посерьезнее, но государь на вопросы отвечал, что у нее пустяки, голова болит». В письме от 8 октября 1900 г., разобравшись в состоянии ее величества, он сообщает Д. С. Сипягину, что совершенно ясно, в чем дело и что это обстоятельство может задержать их всех (так С. Ю. Витте, видимо, объясняет ситуацию с беременностью императрицы). Далее он описывает маленький инцидент, который произошел с министром иностранных дел гр. В. Н. Ламздорфом (1845–1907). Этот случай может объяснить последующие события. На нижнем этаже его дачи заболел дифтеритом ребенок, и министра переселили в один из домов в Ялте, находящийся в самом грязном месте. Так вот, из-за этого Ламздорфа не приглашали ни к завтракам, ни к обедам в Ливадийский дворец, но после того как С. Ю. Витте заговорил о его положении, решили пригласить на доклад к государю¹.

Вскоре его величество неожиданно заболевает таинственными болезнями. Хроника болезни развивается по детективному сценарию: 22 октября появляются первые симптомы расстройства пищеварения; затем, 25 октября, поднимается высокая температура — 38,8°; 26 октября поставлен диагноз инфлюэнцы (грипп); 30 и 31 октября все еще держится инфлюэнца. Наконец 1 ноября инфлюэнца превращается в брюшной тиф, и этот диагноз держится до 28 ноября 1900 г., т. е. до окончания болезни. Печальная новость о том, что царь находится в состоянии между жизнью и смертью была воспринята приближенными с особой тревогой. Причину возникновения болезни государя никто так и не смог выяснить. Одна из версий прослеживается в вышеуказанном письме С. Ю. Витте, условно эту версию можно назвать «прозаической» — в Ливадии из-за грязного состояния домов был распространен дифтерит. В другой версии выделен «восточный» след: когда Николай II находился на отдыхе в Крыму, традиционно к нему с визитом прибывали турки, они по-прежнему считали Крым своей собственностью, но поскольку не предъявляли никаких претензий, то царь дружелюбно каждый раз принимал гостей и ценные подарки от султана. Так, на этот раз Турхан-паша преподнес в подарок турецкий альбом с фотографиями (запись в дневнике Николая II от 23 октября 1900 г.). По этой версии через этот альбом император мог якобы заразиться тифом. Более того, этот пресловутый альбом при таинственных обстоятельствах 26 октября бесследно исчез из Ливадийского дворца [15, с. 82–83].

Министры, находящиеся в Ливадии, быстро осознали, что возникла новая угроза — династический кризис. Приближенная бюрократическая верхушка разделилась на два противоположных лагеря, условно их можно рассматривать, как: «проимператорский» и «виттевский». Первую группу возглавил военный министр А. Н. Куропаткин, а также ряд министров и генералов, к ней ненадолго примкнул в. к. Александр Михайлович. Однако, узнав вскоре о готовящемся дворцовом перевороте,

¹ Письма С. Ю. Витте к Д. С. Сипягину (1900–1901) / Красный архив. Исторический журнал. Т. 5 (18). М., Л., 1926. С. 42, 43.

он резко выступил против плана императрицы, которая в случае смерти мужа предлагала посадить на престол пятилетнюю дочь Ольгу с назначением себя регентшей при ней до совершеннолетия. В свою очередь императрица, узнав о противодействии вел. князя, не простила ему предательства и всю жизнь ненавидела его, что послужило ухудшению дружеских отношений царя с ним, но не исключило его влияния на политику.

Что касается «виттевской» группировки, то в нее вошли: министр внутренних дел Д. С. Сипягин (к этому времени прибывший в Крым), министр иностранных дел гр. В. Н. Ламздорф, министр императорского двора барон В. Б. Фредерикс, вел. кн. Михаил Николаевич (четвертый сын Николая I, 1832–1909). На состоявшемся заседании был поставлен один вопрос — о престолонаследии, так как из-за тяжелого состояния Николая II не исключали летальный исход [5, с. 318]. Но и здесь был предложен вариант с правом наследования императрицей престола после кончины Николая II. Во-первых, придворные исходили из того, что императрица в течение месяца самостоятельно управляла страной, а во-вторых, в придворном окружении уже знали, что царица ожидает ребенка. Поэтому существовала вероятность, что им окажется наследник. Но С. Ю. Витте выразил свое удивление тому, что такой вопрос стоит на повестке дня, он склонил присутствующих к правовому разрешению вопроса. Согласно закону, престол должен был быть передан законному наследнику — вел. кн. Михаилу Александровичу [3, с. 192] независимо от того, что Михаил Александрович «как по уму, так и по образованию был ниже способностей своего старшего брата государя императора...» [там же, с. 196], и у него не было целенаправленной подготовки для управления страной. Все сошлись на том, что пока нет наследника, трон будет занимать вел. кн. Михаил Александрович, а после рождения наследника он, как добропорядочный дядя, передаст престол законному наследнику [там же, с. 193]. Через несколько дней после этого совещания произошла встреча А. Н. Куропаткина и С. Ю. Витте. Генерал спрашивал о совещании у Сипягина, при этом, по воспоминаниям Витте, он встал в трагическую позу и громким голосом заявил: «Я свою императрицу в обиду не дам» [там же]. На что Витте указал Куропаткину, что привилегии не давать в обиду императрице принадлежит не только ему (Алексею Николаевичу), но это право принадлежит всем, в том числе и ему (Сергею Юльевичу) [там же, с. 194].

С. Ю. Витте, выступая на этом заседании, явно не был полностью честен. Безусловно, он знал позицию вдовствующей императрицы Марии Федоровны, которая ни под каким предлогом не допускала мысли, чтобы Александра Федоровна когда-нибудь могла занять престол. Нельзя исключать, что Витте в этом вопросе являлся ее доверенным лицом. Возможно, на аудиенции с царицей-матерью речь шла не только о «китайском конфликте», но и грядущей опасности, возникающей из-за нерешенного вопроса о престолонаследии. Но Витте в воспоминаниях о беседе с вдовствующей императрицей не освещает приватные вопросы, а указывает лишь на ее заинтересованность внешней политикой России. Но есть основание думать, что вопрос о престолонаследии, все-таки, проговаривался. Неслучайно Витте затрагивает этот вопрос в том месте, где описывает свою поездку в Данию и Париж [там же, с. 194], тем самым на подсознательном уровне он выдает себя с головой: разговор о наследнике престола все-таки состоялся и, возможно, был важнейшей частью их беседы. Витте знал, что законодательно он не нарушает права действующей императрицы. Он честно вел свою линию, причисляя вел. кн. Михаила Александровича к мужской родовой ветви Александра III, который должен занять место на троне после Николая II.

Во время болезни сына вдовствующая императрица так и не смогла достучаться до сердца своей невестки: она общалась с Александрой Федоровной через телеграммы, но все ее советы и просьбы были проигнорированы. Подробные све-

дения о протекании болезни Николая царице-матери отправляла ее дочь вел. кн. Ксения Александровна, которая в это время проживала рядом в имении своего мужа Ай-Тодор.

В связи с событиями в Ялте вел. кн. Михаил Александрович срочно возвращается из Дании и 7 ноября прибывает в Гатчину (под Петербургом). С этого момента последовали напряженные дни в ожидании приглашения в Крым в целях замещения больного государя, но он его не получил. В силу того что он не имел официально титула «цесаревич» (после кончины в 1899 г. цесаревича Георгия Николай II лишил Михаила этого права, ибо женитьба Николая II усиливала долю вероятности появления наследника). Кроме того, мало кто всерьез воспринимал Михаила как возможного императора России. Однако по мужской линии он оставался прямым наследником. И царица-мать не хотела упускать свою царственную ветвь ввиду отсутствия внуков, ибо желающих занять престол среди царских родственников было предостаточно. Например, царские амбиции проявлял родной дядя царя вел. кн. Владимир Александрович с женой Марией Павловной. Во всяком случае, они думали, что могли бы царствовать лучше, чем правящая чета, потому что считали себя умнее Николая и Александры [11, с. 310].

Между тем по приказанию Александры Федоровны с 3 ноября начали посылать бюллетени английской королеве в Виндзор [4], а царице-матери на ее запрос о приезде в Ливадию к больному сыну отослали отказ. Несмотря на то, что беременность отнимала у Александры Федоровны много сил, она самоотверженно проявляла заботу о муже. Ухаживая за больным, Александра Федоровна почти 1,5 месяца скрывала его от посторонних глаз. Следовательно, для нее важным условием являлась изоляция императора от окружающих.

В своем дневнике А. В. Богданович (со слов П. Н. Дурново) как бы подытоживает сложившуюся ситуацию. В письме к царице-матери Александра Федоровна не только запретила ей приезжать к больному сыну, но и предупредила, что никому не уступит своего места у постели больного (запись 16 ноября 1900 г.) [1, с. 257]. Как известно, порядки в коронованной семье отличались глубокими личными взаимоотношениями. Они были первыми венценосными супругами в России, которые имели совместную спальню [13, с. 458]. Александра фанатично ухаживала за Николаем, порой даже не доверяя врачам. Несомненно, в течение болезни Николая никто не знал, каковы будут ее последствия, но всех беспокоили те сведения, которые скупно передавались министрам. Впрочем, не это было главным — интриговало таинственное, на грани мистики, поведение императрицы. По существу она отключила внешний мир от Николая, заполнив его болезненный мир собственной персоной. Все оказались заложниками странного поведения императрицы: она даже встала на пути министра императорского двора, отказав барону В. Б. Фредериксу в выполнении его обязанностей по службе. Он не мог приходить во время болезни в опочивальню к государю, она также отменила все посещения министров с докладами. Барон В. Б. Фредерикс был обеспокоен таким положением дел, ибо по основным российским законам связь державного главы с правительством не могла прерываться ни на минуту. Если связь нарушалась ввиду тяжелой болезни государя, то закон обязывал назначить регента по управлению страной. Когда же В. Б. Фредерикс был допущен к государю, то ему удалось обсудить ряд важных государственных вопросов, в том числе и об управлении страной. Поскольку идея о назначении императрицы регентом не побеждала ни в одном из противоположных лагерей, то эта идея была отвергнута также и самим царем [8, с. 79]. Очевидно, чтобы не возбуждать в этом вопросе противостояние с правительством, а более всего — боясь подорвать здоровье беременной Александры, царственные супруги отказались от этого намерения вообще. Государь выразил мнение и по поводу вызова своего брата для замещения на время болезни. В ответе царя ба-

рону В.Б. Фредериксу с долей скепсиса прозвучала нота отказа, дескать, из-за своей легковёрности брат все может напутать ему в делах [там же]. Царь этим ответом ясно дал понять, что с братом власть делить не будет. Идея приезда вел. кн. Михаила могла принадлежать министрам «виттевской» группировки, но она также провалилась.

В целях соблюдения закона окончательно остановились на кандидатуре самого барона В.Б. Фредерикса, он каждый день должен был видеть государя и формально передавать его волю министрам, а доклады министров царю решили заменить краткими рефератами [там же].

Вопреки здравому смыслу из уст императрицы все указания звучали только в ультимативной форме. Другим значимым и шокирующим известием стало прямое приказание царицы, в котором она объявила всем министрам, что ни одной бумаги не допустит до царя. По ее приказу все бумаги должны быть адресованы на ее имя, а после этого она сама будет разбираться «что и когда показать царю» (запись 16 ноября 1900 г.) [там же]. Как видно, от всевидящей и всезнающей А.В. Богданович не укрылись эти странности в поведении обитателей Ливадийского дворца. Находясь с мужем на отдыхе в Ялте, она фиксировала наиболее значимые моменты в болезни государя и поведении царицы.

Безусловно, следует понимать нетерпение министров, которые придерживались определенных правил при дворе. Их всеподданнейшие доклады государю являлись официальной процедурой и представляли собой анализ конкретных проблем, стоящих перед министерством. Как было заведено, личные доклады министров начинались в один и тот же день и час. Например, для С.Ю. Витте они проходили в пятницу и ок. 11 ч, т. е. не реже одного раза в неделю. Первым с докладом шел министр финансов, а затем министр путей сообщения [2, с. 285]. Доклады занимали время до завтрака императора. С.Ю. Витте в своей службе был очарован этим церемониалом: доклады имели определенную власть — министр один на один общался с государем, что позволяло ему влиять на принятие тех вопросов, которые представлял министр в своем докладе, а его величество либо соглашался, либо решал вопросы по-своему. Все зависело от профессиональных качеств министра, его умения представить материал в свою пользу. Всеподданнейшие доклады представляли некую церемониальную форму общения с его величеством по тем делам, на первоочередность решения которых указывал министр. Для С.Ю. Витте доклады являлись важной частью его министерской деятельности. Он не допускал мысли, что когда-нибудь сможет потерять эту форму общения с государем. К сожалению, на время болезни у него с Николаем II, как и у других министров, не было личных контактов, а монотонность жизни в Ливадии разрушила обычный ритм их деловой жизни.

Итак, несмотря на болезненное состояние, императрица стойко переносила и болезнь Николая, и свою беременность. Однако у придворного окружения эта стойкость императрицы вызывала лишь недоумение: если государь был болен брюшным тифом, то почему царица, ожидавшая долгожданного наследника, не тревожилась о своем состоянии и находилась рядом с мужем, не боясь заразиться тифом. Этот факт для окружающих оставался загадкой, хотя по слухам из Крыма шла информация в столицу, что царь не то сам отравился, не то его отравили. Никто точно не знал истинного положения дел.

С.Ю. Витте во всей этой ситуации занимал лишь один вопрос — вопрос престолонаследия. Он знал о существовании секретного указа, который по приказу государя был составлен обер-прокурором Святейшего Синода К.П. Победоносцевым и министром юстиции Н.В. Муравьевым (указ не был опубликован) [3, с. 190–191]. Император, одержимый стремлением защитить свою приватную жизнь, обещал ее от излишней публичности. Вполне вероятно, что в глубине души он был

уязвлен отсутствием наследника. Несомненно, Николай и Аликс с каждой беременностью ожидали сына, но разочарование поглощало их семейное счастье и они в своем ожидании замкнулись на самих себя, стыдясь того, что не могут дать престолу легитимного наследника. Подозревая об истинном отношении к себе со стороны родственников супруга, Александра Федоровна, видимо, не исключала возникновения интриг лично против нее. Как видно, императрица, пытаясь узаконить свое положение, ранее склонила его величество к составлению тайного указа. С момента их свадьбы прошло 6 лет, рождение наследника становилось навязчивой идеей, каждая беременность воспринималась императрицей как обязанность подарить стране цесаревича.

Четвертая беременность императрицы Александры Федоровны несла в себе и радость, и страх. На карту жизнеспособности династии Романовых всегда ставилась задача не допустить династического кризиса. Суть династического кризиса для имперской России — это вопрос о законном наследнике. Так, был известен пример с Марией Федоровной Нагой, женой Ивана Грозного, и их малолетним сыном царевичем Дмитрием, убитым в Угличе в 1591 г. Политический кризис, вызванный гибелью наследника, вместили в себя не только появление нескольких самозванцев, но и народные восстания, иностранную интервенцию. Смутное время продолжалось более 20 лет. Наконец, действующим установлением был Акт о престолонаследии от 5 апреля 1797 г., обнародованный Павлом I, который, по существу, совершил законодательный переворот, отменив петровский указ 1722 г. о назначении самим императором своего преемника. Акт вводил австрийскую, так называемую «полусалическую» примогенитуру (лат. *primus* — перво, *genitus* — рождение), т. е. принцип первородства в наследовании. Эта система наследования предоставляла преимущество потомкам мужского пола. Из-за враждебного отношения к матери, императрице Екатерине II, которая до 43 лет держала его вдали от себя, подозревая в дворцовом перевороте, он в своем указе провозгласил, что ни одна женщина не должна более взойти на престол российский. Действительно, после принятия акта на российском престоле не было ни одного лица женского пола. Именно с этого момента престол наследовался только по мужской линии и передавался по старшинству в императорской семье. Актом 1797 г. о престолонаследии впервые в России введено понятие «регентства» (лат. *regere* — управлять; *regens* — правящий), т. е. права управлять страной от имени несовершеннолетнего государя и право занимать российский престол только лицам, принадлежащим к православной церкви. Именно в связи с этим актом европейские принцессы в обязательном порядке переходили из протестантизма в православную веру, когда вступали на российский престол. Вполне вероятно, чтобы сбалансировать душевное состояние любимой Аликс, Николай II тайно через доверенных лиц пытался изменить положение о преемственности наследования престола, включив в него наследника по женской линии — старшую дочь в. кн. Ольгу Николаевну, а регентом при ней — свою супругу Александру Федоровну на случай своей кончины.

Тайный указ Николая II решительно изменял порядок, прописанный в Своде Законов Российской империи (разд. 1, гл. 4). Указ исключал законного наследника вел. кн. Михаила Александровича, который имел «ближайшее право на престол» при отсутствии прямых наследников. Разумеется, С. Ю. Витте, да и его окружение понимали, что с подменой акта может произойти новый дворцовый переворот, поэтому выступали за сохранение прежнего акта о престолонаследии. В конечном итоге и сам царь пришел к такому решению.

Николай II победил свой недуг, а ялтинский династический инцидент как начинался таинственно, так внезапно и исчез в связи с благоприятным выздоровлением государя. Но инцидент не был забыт его главными участниками. С большой долей вероятности можно утверждать, что супруги Романовы знали о роли, которую

Витте играл в решении династического вопроса. По всей видимости, как не дружественный шаг по отношению к Александре Федоровне, оценивалось его участие на частном заседании в Ялте, где С. Ю. Витте выразил свое мнение против вступления на престол в. кн. Ольги Николаевны и Александры Федоровны в качестве регентши. Подобное поведение Витте было для них непростительным, как и участие в династическом вопросе вел. кн. Александра Михайловича. Пожалуй, в период болезни Николая II, когда Александра Федоровна получила возможность целый месяц управлять страной, она впервые поняла, что вправе вмешиваться в государственные дела и что достаточно компетентно может справляться с этими обязанностями. Александра Федоровна, действительно, могла так полагать, ведь она была любимой внучкой английской королевы Виктории и вобрала в себя традиции Виндзоров. Кроме того, у нее был веский козырь — она была уверена, что ждет наследника! В известном смысле тайная болезнь Николая II конца 1900 г., а также поведение императрицы на грани нервного срыва настораживали всех прибывающих министров в Ялту, все указывало на то, что престол в опасности и срочно надо решать династический вопрос. Конечно же, С. Ю. Витте при таком раскладе дел не мог допустить мысли о передаче престола Александре Федоровне. Но опыт в понимании дворцовых интриг подсказывал Витте, что со временем его могут обвинить в предательстве. Ясно, почему он излагал версию своего участия в тайном совещании, заранее пытаясь расставить оправдательные акценты и обеспечить себе алиби. Он писал, что высказывал на том совещании «не свое мнение», а только рассуждал в рамках закона, объясняя «точный смысл существующих законов» [3, с. 194–195].

На самом деле Витте необдуманно действиями сам разрушил свою карьеру. Он встал на пути царствующей императрицы, защищая интересы вдовствующей императрицы, а также предпочел императору его младшего брата — вел. кн. Михаила Александровича, находящегося на вторых ролях в вопросе престолонаследия. Личная трагедия в период болезни Николая II и переживания Александры Федоровны вызвали, по всей вероятности, с их стороны не столько недоверие, сколько враждебность по отношению к министру финансов. Это подтверждается словами «известной дамы» в обществе Александры Николаевны Нарышкиной (фрейлина императрицы Марии Федоровны, сестра Б. Н. Чичерина [9, с. 405]). В 1910 г. при встрече с С. Ю. Витте в Биаррице она откровенно спросила, знает ли он или не знает, почему императрица к нему относится «если не сказать враждебно, то, во всяком случае, несимпатично?» Прямой текст светская дама напомнила Витте о его поведении в Ялте. Поэтому все то, что произошло с ним, есть последствия тех действий, когда он настаивал на том, что в случае смерти императора на престол должен вступить вел. кн. Михаил Александрович [3, с. 194–195]. Витте несложно было догадаться, как к нему относится Александра Федоровна, хотя они и виделись всего несколько раз. Более того, если о его позиции на ялтинском совещании знала одна дама из света, соответственно, это не укрылось и от представителей императорской элиты, которые по делу и не делу и так шептались всякие небывлицы о нем в коридорах власти.

И хотя С. Ю. Витте уже ничего не мог изменить, его все же взволновал вопрос, кто из участников заседания мог донести на него императрице. У него не было повода сомневаться в Д. С. Сипягине, к тому же в 1902 г. он был убит эсером С. В. Балмашевым. Учитывался фактор и его личных связей — он был женат на сестре жены гр. С. Д. Шереметева (1844–1910), с которым Витте состоял в доверительных дружеских отношениях. Да и отношения Витте с министром Д. С. Сипягиным, можно сказать, были весьма дружественными, если он в письмах, обращаясь к нему, перешел на «ты». Что касается вел. кн. Николая Михайловича, то отношения с Александрой Федоровной у него не сложились, его кандидатура также

не подходила на роль доносчика. Оставалась одна фигура — барон В. Б. Фредерикс. Собственно говоря, барон Фредерикс обладал качествами, среднестатистического человека: «честный, но “не обладающий гениальным умом”», вероятно, «сбрыкнул» императрице — так характеризует Витте преданного царю министра императорского двора. Причем, как помнил Витте, совещание, на котором решался вопрос о наследнике в случае смерти Николая II, не являлось тайным. Более того, присутствующие постановили неофициально сообщить императрице о его заключении [3, с. 195]. Николай II, как никогда прежде, в дни своей болезни находился в одиночестве и не доверял даже близкому окружению, кроме одного человека — барона В. Б. Фредерикса. Он один являлся исключительно близкой фигурой к императорской чете. Существует вероятность, что после своего выздоровления царь отблагодарил барона именно за преданную службу в дни болезни. Неслучайно в традиционном церемониале награждения в день тезоименитства Николая II — 6 декабря 1900 г. — В. Б. Фредерикс был произведен в генералы от кавалерии [14, с. 778].

С. Ю. Витте понимал, что именно ялтинские события стали причиной возникновения легенды о его предательстве и ненависти по отношению к Николаю II. К сожалению, это прозрение пришло к нему слишком поздно, когда его официальная карьера была уже закончена. И благодаря разговору с А. Н. Нарышкиной, он смог выстроить истинную цепочку событий. Неожиданно в воспоминаниях он признается, что слухи о его ненависти к императорской чете, которые муссировались в светских кругах не что иное, как способ избавления от его персоны. Эти слухи могли бы восприниматься всерьез лишь «такими прекрасными», но «с болезненной волею или ненормальной психикой людьми» [3, с. 195], как Николай II и Александра Федоровна. Наконец, он более четко охарактеризовал свое отношение к царственной чете. И здесь возникает то, что становится очевидным в их отношениях: Витте не признавал венценосных супругов как личностей, а они, если и не знали это точно, то догадываясь, платили тем же — не признающий не может быть признанным. В этом случае достаточно было вникнуть в переживания каждого из них, чтобы понять мотивы их действий. Если у Николая и Александры очевидны боль и отчаяние (проявление чисто человеческих страданий), то Витте не пощадил и не удовлетворил человеческие желания двух больных людей, действовал согласно аргументации закона (сработал чисто бюрократический образ мышления). Иными словами, Витте отдавал себе отчет, что перед ним не просто обыкновенные люди, а коронованные особы. В соответствии с этим он не стал действовать спонтанно (по желанию), как барон В. Б. Фредерикс, его политический интерес совпадал с законодательным актом о престолонаследии 1797 г., что, бесспорно, соответствовало и желанию императрицы Марии Федоровны.

С. Ю. Витте всегда пытался защищать монархию и рисковал своей репутацией ради самодержавия. Его карьера — это памятник самодержавию. Неслучайно он признавался, что любит самодержавие так же, как «все-таки» любит «распутниц» [6, с. 80]. И можно добавить — не забывая и личную выгоду. Любил не материально, а через властвующий его потенциал, т. е. символично — быть сановником на первых ролях. Он всегда желал заниматься государственными делами, но ему мешало то, что он пытался навязывать государю свою личную значимость. Со своей стороны государь постепенно отдалялся от публичности и замыкался на своей частной жизни, оградив от всех свою приватную жизнь, он не стремился вникать в личные проблемы своих министров, в том числе и семьи С. Ю. Витте.

Итак, вопреки ожиданию в 1901 г. у императрицы родилась четвертая дочь Анастасия. По закону легитимным наследником продолжал оставаться вел. кн. Михаил Александрович. Статус регентства императрица получит только в 1904 г. — с рождением наследника. Но одновременно с этим появляются непреодолимые проблемы,

поскольку цесаревич Алексей не только наследник престола, но и наследник гемофилии, передававшейся по женской линии со стороны английской короны — прабабки королевы Виктории. Семейное несчастье Николая II обернется трагедией для государства в целом, и Россия окажется на краю очередной смуты.

Возвращаясь к вопросу о наследнике, следует подчеркнуть, что Николай II в силу сложившихся обстоятельств, видимо, не любил брата Михаила. Ни под каким предлогом он не хотел допускать его к управлению государственными делами, так как ревностно относился к тому, что он может стать его преемником. Даже во время болезни не позволил ему приехать в целях своего замещения [8, с. 29]. Хотя внешне для всех демонстрировал, что он соблюдает правила и к наследнику для дополнительного образования приставил С. Ю. Витте с чтением лекций по народному хозяйству. При таком отношении к брату он не был похож на своего августейшего отца.

По мнению гр. С. Д. Шереметева, близкого друга Александра III, между императором и его братом вел. кн. Владимиром Александровичем происходило «нечто высшее, глубокое и похожее на культ». При этом император «признавал его нравственное превосходство». Однако не только любовался им [7, с. 407], но и доверял, поручая ему весьма деликатные политические дела (например, создание «Священной дружины», закона об императорской фамилии) [12, с. 75]. Стараниями С. Ю. Витте в ялтинском инциденте династический вопрос принял иную конфигурацию. Император после рождения цесаревича Алексея, в изданном Манифесте от 14 августа 1904 г., скорректировал полусалическую примогенитуру в Акте о престолонаследии 1797 г. В пункте «регентство» он закрепил как мужское, так и женское имя¹. До совершеннолетия цесаревича Алексея, в случае его кончины, он назначает регентами (правителями государства) — любезнейшего брата великого князя Михаила Александровича и любезнейшую супругу императрицу Александру Федоровну (добавляя весьма странную формулировку, если на то будет ее личное желание использовать право быть регентом при малолетнем наследнике и прочих детях).

Бесспорно, Николай II принял компромиссное решение. Официально изданным Манифестом о престолонаследии он завершил инцидент 1900 г. Поскольку через 8 лет в Вене 30 октября 1912 г. (в православной сербской церкви) вел. кн. Михаил Александрович тайно сочетается морганатическим браком с Н. С. Вульферт (урожд. Шереметьевской), Николай II аннулирует Манифест от 3 (16) августа 1904 г. Де-юре с Михаила будут сложены обязанности регента Манифестом 30 декабря 1912 г. (12 января 1913). И, выражая свой гнев по поводу того, что Михаил нарушил запрет и женился на женщине ниже своего достоинства, Николай II даже пытался лишить брата его родового достоинства, титула великого князя, с конфискацией его имущества. Однако окончательным решением запретит ему с семьей возвращаться в Россию². Тем не менее имя вел. кн. Михаила Александровича вновь возникнет в качестве наследника при решении династического кризиса в революционные дни 1917 г., когда Николай II отречется дважды: лично за себя и за цесаревича Алексея. По странному стечению обстоятельств, без официального Акта об отречении — всего лишь на клочке бумаги и под карандаш был составлен государственный акт об отречении от царского престола. Династия Романовых пресечется на именах Николая II и цесаревича Алексея Николаевича. По стечению обстоятельств у вел. кн. Михаила Александровича появится возможность сохранить династию, но он окажется быть преемником на русском престоле, проявив малодушие и отсутствие

¹ Правительственный Вестник. 1904, 3 (16) августа. № 58. С. 1.

² Вступ. статья Барковец О. И. «Ваш всепреданнейший А. Мордвинов» / Мордвинов А. А. Из пережитого. Воспоминания флигель-адъютанта императора Николая II : В 2 т. Т. 1. М., 2014. С. 13, 14; Правительственный Вестник. 1913, 3 (16) января. № 2. С. 1.

воли, т. е. политической ответственности за судьбу России, как и его венценосный брат. В 1918 г. мужское потомство императора Александра III будет казнено.

Но эта катастрофа произойдет в ближайшем будущем, а в тот момент Витте окончательно оказался в противоположном от царя круге. Продолжая чтение лекций вел. кн. Михаилу Александровичу до 1902 г., Витте заметно для всех симпатизировал ему, был званым на совместные завтраки и прогулки. В беседе с датским королем Витте не кривил душой и верно указал, что Миша есть «больше сын своего отца». Совершенно очевидно, что Витте с предпочтением относился к вел. кн. Михаилу Александровичу, чем к Николаю II, хотя не сомневался в том, что великий князь еще меньше, чем государь, имеет волю и характер. Но в случае надобности, так или иначе, Михаил должен был бы заменить Николая. Несомненно, он не кривил душой перед памятью Александра III и был честен перед императрицей Марией Федоровной. В случае смерти Николая II, Витте не изменил бы своему принципу и продолжал бы сохранять верность данной романовской династической ветви, отстаивая ее по закону.

Практически Витте действовал наперекор желанию действующего императора Николая II. Впрочем, при Александре III было бы недопустимым такое поведение министра, но и Витте не позволил бы себе ослушаться или пойти против авторитета монарха. Однако ситуация с Николаем II была совершенно иная, Витте использовал силу своего авторитета и неосмотрительно бросил вызов императору, причем самонадеянно проявив к нему не то снисходительное, не то оскорбительное отношение. Возможно, сработали симптомы «выскочки», которые наглядно характеризовали поведение Витте как провинциала — выделиться во что бы то ни стало, или было что-то личное, что знали только Витте и Николай II? Конечно, этот демарш не мог пройти бесследно в их отношениях. У Николая II в ответ росло только разочарование к личности Витте. В свою очередь, положение усугублялось еще тем, что Николай II знал, что для Витте идеалом монарха не переставал оставаться Александр III. Парадокс состоял в том, что между Николаем II и С. Ю. Витте стояла тень отца-императора. Стало быть, предметом их разногласий оказывалась не столько реальность, сколько символическое прошлое, т. е. то, что являлось для обоих идеалом. Если Николай II стремился сбросить с себя очарование правления своего августейшего отца, чтобы не подражать, а создавать новые образцы своей политики, то Витте ни под каким углом зрения не пытался смягчить к его начинаниям своего снисходительного отношения.

Любопытно, что С. Ю. Витте в своих переживаниях о потере порядка, существовавшего при Александре III, был не одинок. Так, в сфере образования в это время возникали студенческие беспорядки, в обществе существовало понимание о наведении порядка в высших учебных заведениях. Среди студенчества стали распространяться союзы «академистов». Студенты и некоторые преподаватели восстали против «засилия политики» в учебном процессе. В Петербурге известный приват-доцент Б. В. Никольский организовал правый кружок¹, где читали доклады, устраивали встречи с известными в обществе людьми. В его дневнике встречается одна сакральная фраза о временах минувших лет, она выдает в нем ностальгически настроенного человека: «Господи, хоть бы их построже пробрали — хоть бы нынче-то!» — он желает, чтобы администрацию университета «пробрали» за нарушения учебного процесса. Но в сердцах сокрушается, разве возможно «при теперешних...» — в этом месте действительно поставлено многоточие, автор пропустил слово, а должно было быть так — «при теперешних временах». И далее: «Эх, великий грех Александра III, что он умер!» [10, с. 357]. При одном упоминании этого имени звучала нота сожаления о прошедшем времени.

¹ Ольденбург С. С. Царствование Императора Николая II. Т. 1. Белград, 1939. С. 211.

Естественно, династический (или политический) кризис 1900 г. не мог не стать переломным в судьбе С. Ю. Витте. Казалось, у Николая II появился повод отправить Витте в отставку, однако ялтинский инцидент привел лишь к охлаждению отношений между императором и министром. Доказательством тому являлся тот факт, что царь вполне сознательно использовал его ум и изворотливость, не только как сдерживающий, но и как направляющий фактор в своей политической деятельности. По существу Николай II осознавал, что если он где-то совершит ошибки, то Витте сможет подправить и довести дело до логического завершения. Вместе с тем Николай II не отпускал Витте, зная, что он по необходимости может взять на себя политическую ответственность. Само собой разумеется, ведь Витте все-таки смог достойно выйти из династического кризиса 1900 г. и даже сохранить за собой Министерство финансов. Время на посту министра финансов для С. Ю. Витте еще не пришло к концу.

Продолжение в следующем номере.

Литература

1. Богданович А. В. Три последних самодержца. М. : Новости, 1990.
2. Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. М. : Книга по Требованию, 2013.
3. Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. М. : Книга по Требованию, 2013.
4. Зимин И. Династический кризис 1900 года [Электронный ресурс]. URL: http://narmede.ru/dinasticheskij_krizis_1900_goda.html (дата обращения: 09.11.2015).
5. Ильин С. В. Витте. М. : Молодая гвардия, 2006.
6. Лисенкова Л. Н. С. Ю. Витте в воспоминаниях деятелей либерального крыла российской эмиграции // С. Ю. Витте — выдающийся государственный деятель России. Тезисы докладов и сообщений научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения С. Ю. Витте. С.-Петербург, 22–23 июня 1999 г.
7. Мемуары графа С. Д. Шереметева. М. : Индрик, 2001.
8. Мосолов А. А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. СПб. : Наука, 1992.
9. На изломе эпох: вклад С. Ю. Витте в развитие российской государственности. Т. II. С. Ю. Витте и его современники. СПб. : Лики России, 2014.
10. Никольский Б. В. Дневник. 1896–1918 гг. Т. 1: 1896–1903. СПб. : Дмитрий Буланин, 2015.
11. Половцев А. А. Дневник государственного секретаря: в 2 т. Т. 1. М. : Центрполиграф, 2005.
12. Сташков Г. В. Августейший бунт: Дом Романовых накануне революции. СПб. : БХВ-Петербург, 2013.
13. Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. Т. 2. От Александра II до отречения Николая II. М. : ОГИ, 2004.
14. Шипов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. СПб. : Дмитрий Буланин, 2001.
15. Широкопад А. Б. Николай II. Ростов-на-Дону : Феникс, 2013.

References

1. Bogdanovich A. V. *Three last autocrats* [Tri poslednikh samoderzhitsa]. M. : News [Novosti], 1990. (rus)
2. Witte S. Yu. *Memoirs* [Vospominaniya]. V. 1. M. : «Book on demand» [Kniga po Trebovaniyu], 2013. (rus)
3. Witte S. Yu. *Memoirs* [Vospominaniya]: V. 2. M. : «Book on demand» [Kniga po Trebovaniyu], 2013. (rus)
4. Zimin I. *Dynastic crisis of 1900* [Dinasticheskii krizis 1900 goda] [An electronic resource]. URL: http://narmede.ru/dinasticheskij_krizis_1900_goda.html (date of the address: 11/9/2015). (rus)
5. Ilyin S. V. *Witte* [Vitte]. M. : Young Guard [Molodaya gvardiya], 2006. (rus)
6. Lisenkova L. N. S. Yu. *Witte in memoirs of figures of a liberal wing of the Russian emigration* [S. Yu. Witte v vospominaniyakh deyatelei liberal'nogo kryla rossiiskoi emigratsii] // S. Yu. Witte

is an outstanding statesman of Russia. Theses of reports and messages of the scientific conference devoted to the 150 anniversary since the birth of S.Yu. Witte [S.Yu. Witte — vydayushchiysya gosudarstvennyi deyatel' Rossii. Tezisy dokladov i soobshchenii nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 150-letiyu so dnya rozhdeniya S.Yu. Vitte]. St.-Petersburg, on June 22–23, 1999. (rus)

7. Memoirs of the count S. D. Sheremetev [Memuary grafa S. D. Sheremeteva]. M. : Indrik, 2001. (rus)
8. Mosolov A. A. At court of the last emperor. Notes of the chief of staff of the minister of the yard [Pri dvore poslednego imperatora. Zapiski nachal'nika kantselyarii ministra dvora]. SPb. : Science [Nauka], 1992. (rus)
9. On a break of eras: S.Yu. Witte's contribution to development of the Russian statehood. V. II. S.Yu. Witte and his contemporaries [Na izlome epokh: vklad S.Yu. Vitte v razvitie rossiiskoi gosudarstvennosti. T. II. S.Yu. Vitte i ego sovremenniki]. SPb. : Faces of Russia [Liki Rossii], 2014. (rus)
10. Nikolsky B. V. Diary. 1896–1918. V. 1: 1896–1903 [Dnevnik. 1896–1918 gg. T. 1: 1896 — 1903]. SPb. : Dmitry Bulanin, 2015. (rus)
11. Polovtsev A. A. Diary of the state secretary [Dnevnik gosudarstvennogo sekretarya]. In 2 v. V. 1. M. : Centerpoligraf, 2005. (rus)
12. Stashkov G. V. August revolt: the House of Romanovs on the eve of the revolution [Avgusteishii bunt: Dom Romanovykh nakanune revolyutsii]. SPb. : BHV-Petersburg, 2013. (rus)
13. Uortman R. S. Scenarios of the power. Myths and ceremonies of the Russian monarchy. In 2 v. V. 2: From Alexander II to renunciation of the Nicholas II [Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoi monarkhii. 2 t. T. 2: Ot Aleksandra II do otrecheniya Nikolaya II]. M. : OGI, 2004. (rus)
14. Shipov D. N. Statesmen of the Russian Empire [Gosudarstvennye deyateli Rossiiskoi imperii]. SPb. : Dmitry Bulanin, 2001. (rus)
15. Shirokorad A. B. Nicholas II [Nikolai II]. Rostov-on-Don : Phoenix, 2013. (rus)